

Глубокое проникновение в мир писателя отличает статьи Шимона Маркиша об Исааке Бабеле и Василии Гроссмане, собранные в книге "Бабель и другие". В "Конармии" Маркиш увидел одиночество и отчаяние интеллигента в революции, умноженное на одиночество еврея, расколото-го пополам в своем отношении к традиционному еврейству, одновременно отталкивающему и притягательному для Бабеля. Уверена, что сотрудники Одесского литературного музея обратятся к родным Шимона Маркиша и предпримут собственные разыскания, чтобы сохранить в фондах и представить в экспозиции музея его книги, рукописи, газетно-журнальные и энциклопедические статьи и другие ценные экспонаты, рассказывающие о творчестве историка литературы, посвятившего страницы своих сочинений реабилитации русско-еврейской литературной Одессы.

Иерусалим

ПУБЛИКАЦИИ

Баронесса Ольга ШВАХГЕЙМ-ДОКС
"Я хотела бы разделить с тобой
мою прекрасную молодость..." 252
Публикация Нелли ЗОЛОТАРЕВОЙ

"Я хотела бы разделить с тобой мою прекрасную молодость..."*

Воспоминания на немецком языке
получены Татьяной МАРКОТТН-ШВАХГЕЙМ в 1959 г.

Дорогой мой маленький внучек Джорджик!

Когда меня уже здесь не будет, и твой отец передаст тебе эти строки, ты уже будешь взрослым и сможешь сам себе их прочесть. Из этих строчек ты увидишь, что у тебя была русская бабушка, для которой ты был последним солнечным лучиком в ее жизни. Я часто думаю о том, что когда меня уже здесь не будет, никто не узнает о нашей трогательной семейной жизни и о тех, кто ее создал: твой прадедушка и твоя прабабушка, которую звали Бебичка. Они были удивительные люди.

Я хотела бы разделить с тобой мою прекрасную молодость и рассказать тебе о моих братьях Володе и Сереже, чтобы они приблизились к тебе. Были такие времена, что я просто не могу умолчать о них. Есть разница между молодостью и зрелостью. Но моя жизнь так проходила, что я все еще помню события, которые происходили до 1917 года. Эти старые времена живут в воспоминаниях все меньшего и меньшего числа людей, которые постепенно уходят и забирают с собой в могилу свои впечатления. Я помню, когда я была молодой, меня очень интересовало все, что касалось моей бабушки, это может быть интересно и тебе — это прошлое твоей семьи.

Переход в новую жизнь моего поколения не был нормальным, поэтому очень большая разница между сегодняшним и вчерашним днем. Прошлое растворяется в вечности.

Наша семья состояла из папы, мамы, меня как старшей дочери, Володи и Сергея, сыновей, и тех, кто был нам близок: няня, мадам Лина, до того как мне исполнилось 10 лет; Клерхен — или фройляйн Нотз из Мюнхена. Мы были близки друг другу. Это была жизнь, полная любви и взаимопонимания. Не было ни разногласий, ни ссор. Для тех, кто нас воспитывал, это была превосходная работа. Нам в голову не приходило сказать что-то злое или соврать.

*От редакции: мемуаристка ведет рассказ, вольно перемещаясь во времени своего детства, отрочества, юности. Мы сохранили ее композицию.

Первые годы после женитьбы дедушка и бабушка провели в усадьбе. Я родилась в Одессе в 1882 году в доме моей бабушки, а через 2 года в усадьбе родился Володя. День моего рождения, 7 (20) февраля, совпал с днем встречи моих родителей в Елисаветграде.

Наше село стояло одиноко, вдали от других сел. Вокруг нас жили крестьяне, которые раньше принадлежали нам. Некоторые из них еще живы. Самой главной среди них была бабушка Татьяна, как все называли ее, и когда родился твой отец, она все еще стирала и гордилась тем, что стирает белье уже третьему поколению.

Детская комната была угловая, возле спальни родителей. Два окна выходили в сад и на маленькое озеро.

Из другого окна, где мы обычно сидели, была видна аллея парка. Парк был очень большой, старый, заросший. Он тянулся вдоль пруда на полтора километра.

Когда мы шли спать, в комнате нас ожидали свечи. Володя и я спали с нашей старой няней, которую любили все — и дети, и взрослые. Она жила в нашей семье с детства и воспитала 10 детей. Среди них была и моя мать, твоя прабабушка.

Мой отец играл вечером на рояле, и мы засыпали под звуки прекрасной музыки Шумана, Шопена, Бетховена. До сегодняшнего дня эта музыка напоминает мне нашу детскую комнату. До сих пор перед моими глазами стоит картина Маковского "Екатерина II с племянницей и ее женихом". Он был шведский принц. Я все еще вижу свою нянюшку, молящуюся на коленях возле кровати Володи, которого я ужасно любила. С самого детства мы любили друг друга по-сумасшедшему. Хоть он был только на 2 года моложе меня, мне он казался таким маленьким, что я должна была оберегать его. Я думаю, что я тогда уже знала, как трагически закончится его молодая жизнь. Позже судьба разделила нас, и я уже не могла служить для него защитой. Он был таким красивым мальчиком! Блондин с большими голубыми глазами и кудрявыми волосами. Всегда счастлив и полон жизни. В молодости он всегда выделялся среди других своей неординарностью в воспитании, аристократизмом и вежливостью. Со всеми без различия он был внимателен. Неважно, кто это был: рабочий, крестьянин или аристократ. В молодости все его любили и радовались встрече с ним в обществе. Он был одухотворенным и остроумным.

Володя служил мировым судьей в нашем уезде и исполнял свои обязанности с большим чувством долга. Мы иногда приходили в суд, сидели среди зрителей, и нам трудно было удержаться от смеха.

Он страстно любил лошадей. В детстве очень много времени проводил со своей любимой лошадью Бунни. Когда Володя стал взрослым, он держал скаковых лошадей. Было страшно смотреть, как он бравировал и преодолевал препятствия. Только отец любил наблюдать за его скачками и хвалил за мастерство.

Обычно между собой и с мадам Линой мы говорили по-французски, читали огромное количество книг из "Bibliothèque Rose". Особенно любили книгу "После дождя хорошая погода". Мы только заканчивали ее читать, как начинали снова.

Мадам Лина была очень способная и веселая. Мы вместе с ней пели, смеялись, строили из соломы шалаши, ездили на скотный двор на арбе, запряженной волами, на молотилки, которые стояли в 3-4-х километрах в поле. Но... шло время, и вскоре нам пришлось прощаться с мадам Линой. Мои родители решили, что теперь нам необходимо более серьезное немецкое воспитание. Это был огромный удар. Володя, которому тогда было 8 лет, пролил много слез. "Теперь я знаю, что такое катастрофа", — сказал он.

Фройляйн Нотз приехала из Мюнхена. Нельзя сказать, что первые 6 месяцев жизнь для фройляйн Нотз была сладкой как мед. В первый же день мы ее спросили: "А сколько у Вас шляп?". Она с удивлением ответила, что три. Мы же сказали ей, что у мадам Лины было двадцать пять шляп, и мы гордимся этим. Мы не могли и не хотели привыкать к ней. Все, что касалось ее, нам не нравилось. Мы даже не любили ее немецкие песни. Мать была в отчаянии. Найти новую гувернантку в середине лета было невозможно. Но осенью навестить моего отца приехал его друг Herr von Bass. Он знал, как разжечь наш интерес к фройляйн Нотз. Так что, в конце концов, мы ее приняли. Она нам начала нравиться, и мы ее полюбили. Так появилась Клерхен, самое любимое существо на земле. Мы даже не могли себе представить нашу семью без нее. Мать часто говорила: "Что вы будете делать без Клерхен?". Мы бежали к ней по любому поводу.

Наша школа

В нашей среде дети в школу не ходили. Для гимназии их готовили дома частные преподаватели. Мы научились дома чтению, письму и другим предметам. Два раза в неделю на час приходил учитель русского языка. Для французского языка у нас была мадам Лина. Она нам громко читала, а потом заставляла переписывать и читать текст. Она это умела делать

так, что мы получали удовольствие от аккуратно написанного. Мы с Володей все время соревновались. Эти занятия приводили нас в полный восторг. Вечером, когда приходила прислуга согреть и стелить наши постели, мы старались ее тоже учить писать и читать. Она была очень довольна этому и позднее благодарила нас за то, что мы были так внимательны к ней. Молитвам нас учила няня. Для поступления в первый класс гимназии не нужно было больших знаний по религии.

Няня как будто всю жизнь была с нами. Нам было даже страшно подумывать, что ее отошлют, когда придет фройляйн. Но в это время появился новый брат, и няня все-таки осталась. Мы были просто счастливы.

Рождение Сергея

Это было во время Всемирной выставки в Париже. Мне было тогда 8 лет, а Володе 6. Нам обещали подарить куклу. Но какую? Когда 15 ноября 1889 года она появилась, то оказалось, что это был брат Сергей. Шло время, и из толстого некрасивого мальчика, каким он был, вырос красивый обаятельный юноша. Мы же этого не замечали и поражались, когда другие им любовались. На него это не производило никакого впечатления.

Его увлекали только машины. Он был или на мельнице, или в мастерской, или с лошадьми. Везде Сережа принимал участие в работе и приходил домой очень грязным. Его полотняный костюм нужно было менять по 3 раза на день. Все время только и слышалось: "Сережа, иди мыть руки и переодень костюм!". Он был любимцем родителей и был страшно балованным, так как очень серьезно болел и 4 месяца находился между жизнью и смертью. Все это лето мы прожили в страхе потерять его. Скарлатина, дифтерит и дизентерия совершенно изменили его. Из цветущего, веселого Сережи он превратился в настоящий скелет. На него было страшно смотреть! О возможности заразиться мы даже и не думали. Мы все время были с ним и никогда не оставляли его одного. Это все происходило в старинном доме в Воеводском. Ближайший доктор был в 15 километрах от нас, и когда он привез лекарства, мы уже не верили, что они помогут. В конце сентября Сережа стал поправляться. Мы были совершенно счастливы и любили и баловали его еще больше.

Следующей весной, когда мы снова приехали в деревню, Сережу ожидал сюрприз: он получил собственную лошадь, которую звали Бабетка. Это была настоящая казацкая лошадь, которая очень понравилась Сереже. У Бабетки потом были жеребята, и закончилось тем, что у Сережи оказалось пять собственных лошадей.

Школа и школьные занятия Сережу совершенно не увлекали, и это очень огорчало маму. Он прошел через все школы Одессы, потом через все гимназии, затем поступил в школу кадетов и реальное училище. Позже он поехал в университет в Дармштадте. В то время это был самый лучший инженерный факультет в мире.

У Сережи была страсть к охоте. Он очень любил природу. До 20 лет женщины его не интересовали, в отличие от Володи, который первый раз влюбился, когда ему было всего 10 лет.

У Сережи всегда был помощник — деревенский мальчик, всегда и везде его сопровождавший. Он чистил его ружья и ходил за ним как тень, даже тогда, когда тот ездил верхом, — как Санчо Панса, который следовал за Дон Кихотом на своей маленькой лошадке. Первым таким помощником был Федька, и это имя переходило потом к другим: его шофером был Федька, и Федька спас его жизнь во время революции.

Мама вспоминает

Мы с Володей любили осенние дни. Вечера становились длиннее, и все проводили больше времени дома. Нам рассказывали сказки, мы слушали воспоминания матери. Например, о том, как наши родители встретили друг друга.

Обедали мы между пятью и шестью часами вечера, а не в час полудни, как летом. После обеда мы все сидели в гостиной вокруг круглого стола до восьми часов — времени, когда нужно было идти спать.

Мы привыкли, что у нас всегда были гости, и было естественно, что у нас гостила Наталья Васильевна. Старая дева, дама из Елисаветграда, дочь обедневших родителей.

Тогда Елисаветград был главным уездным городом со стотысячным населением. Там была гимназия, кавалерийская школа, дворянское собрание, а мой отец в то время был предводителем дворянства. В Елисаветграде жили наши дальние родственники, и когда отец туда приезжал, он останавливался у них. Мой отец всегда привлекал внимание жителей Елисаветграда.

Наталья Васильевна в течение многих лет летом жила с нами в Воеводском и оставалась там до глубокой осени. Она была очень скромна, вышивала и никогда никому не мешала. Когда подросли братья, она стала объектом для их насмешек и издевательств, но всегда делала вид, будто не слышит их. Она была постоянной приживалкой в нашей семье, таких бы-

ло много и в усадьбах других помещиков. Впрочем, моя мать ее любила, она была ее постоянной компаньонкой, и все были довольны.

Мой отец часто вечером уходил в контору отдавать распоряжения, беседовать с управляющими и т. д. Таких моментов мы ожидали больше всего. Тогда мы умоляли нашу маму рассказать нам о своей жизни. Мы усаживались ближе и расспрашивали ее, как она жила до свадьбы и как встретила моего папу. Сказки и другие истории нас интересовали гораздо меньше, чем эти рассказы о настоящей жизни. Мы умоляли маму рассказывать нам одну и ту же историю снова и снова.

— Неужели я должна рассказывать ту же историю?

— Да, мама, расскажи нам еще раз. Нам было так интересно!

В это время кухарка Прасковья приходила получить распоряжения насчет завтрашнего меню. Не дай Бог она перебьет нас, пусть подождет.

— Дети, дети, будьте вежливы. Мне нужно дать ей распоряжения.

Мы придвигались поближе.

После того как мама отдавала распоряжения кухарке и другим слугам, она возвращалась, и мы не могли дождаться, когда она продолжит свой рассказ.

— По окончании пансионата я стала выходить в свет. В один прекрасный день нам сообщили, что в Одессу из Петербурга приезжает кавалерийский полк. Все, особенно молодые люди, были взволнованы. Все хотели знать, приедут ли офицеры, сколько их будет, и будут ли они вхожи в общество.

Прошло довольно много времени, прежде чем мои друзья получили приглашения на гвардейский бал.

У моей семьи Димитренко был большой дом, и я получала большое удовольствие, когда у нас устраивались различные приемы. Но меня всегда раздражало, когда меня спрашивали: "Лелечка, что ты наденешь и как ты причешешься?". Пойти на бал просто с заплетенными косами было нельзя, а придумать прическу для моих волос, достававших до самого пола, было нелегко. Однако эта проблема тогда была весело разрешена. Часть волос была заплетена в косу и уложена вокруг головы как корона, а остальные волосы падали локонами по спине.

Бал был очень удачным, по крайней мере, для меня. Няня сказала: "Это не удивительно. Ты была такая красавица!".

Нам сразу же представили молодых людей. Когда юношей принимали в гвардию, то смотрели, чтобы они не только были из хороших семей, но и обращали внимание на внешность.

Я много танцевала, и многие кавалеры попросили разрешения прийти к нам в дом. В первый же назначенный для визитов день их явилось десять.

Но вновь приходили не все, так как это было время Балканской войны, и многие должны были уйти со своим полком. С теми же, кто остался, мы стали большими друзьями, и наш дом стал их домом.

Мы много музицировали, пели и танцевали... Начался роман, и в один прекрасный день Николай Владимирович Бирюков попросил моей руки.

Это был очень напряженный момент для Володи и меня...

Напряжение достигало предела. Мы умоляли маму, чтобы она рассказывала скорей, заканчивала с этими гвардейцами и продолжала о поездке в Елисаветград. Каждый раз мы боялись, что она все же выйдет замуж за Бирюкова. Мама смеялась и растягивала кульминацию своего рассказа. Няня говорила нам, чтобы мы не волновались так, а то мы будем плохо спать и намочим в кровать.

— Одним словом, я не вышла замуж за Бирюкова. Война на Балканах закончилась, и все гвардейцы вернулись в Петербург. Мы на всю жизнь остались хорошими друзьями. Многих я встречала позже. Они стали генералами, губернаторами.

Няня говорила нам, что уже пора спать. Она оставляла свое шитье, и мы расходились. Если бы мы долго не ложились спать, отец бы рассердился.

На следующий день мы настойчиво просили рассказать нам об их любви.

* * *

Заканчивались замечательные осенние дни у чудесного синего Черного моря. Воздух был прозрачным. В ноябре прогулки по берегу моря закончились, и началась настоящая осень. У нас был очень уютный дом: светлый и теплый. Мы с няней ходили по магазинам, выбирали себе на зиму вещи, много времени проводили за шитьем. Все гости, приезжавшие на лето, разъехались, и дом наш опустел. Папа работал в конторе, братья были в гимназии. Тетя Маня и дядя Витя, сестра и брат нашей мамы, тоже учились в гимназии. Обычно около 4-х часов к нам на чай приходили друзья. По вечерам я часто пела и аккомпанировала себе на рояле.

* * *

— Однажды моя мама получила письмо от дяди Кости и тети Нащенко. Они просили, чтобы меня отправили к ним в Елисаветград. "Как же ты туда поедешь? Поездом слишком долго, целый день и ночь". Мать не зна-

ла, как решить. Но я настаивала на отъезде. Я сумела убедить маму, что это не так уж далеко, и сказала, что поеду туда с друзьями.

В первый раз в жизни я ехала поездом... Костя и Нащенко были в восторге от моего приезда. Жили они очень скромно. Дядя Костя был служащим в городской конторе, и роскоши у них не было, но я провела в этом скромном доме счастливые дни и встретила там папу. В Елисаветграде было много хороших и интересных людей. Зимой туда приезжало много помещиков из округи, и так как город был небольшой, все друг друга знали. Меня сейчас же всем представили, и на меня посыпался град приглашений: на вечеринку, катание на коньках или на тройке. По вечерам мы музицировали. Костя часами играл на рояле, а когда я пела, он мне аккомпанировал. Так прошло время до Рождества.

В январе мать настояла, чтобы я вернулась домой. Но я не хотела уезжать от дяди с тетей.

Много времени мы проводили в очень приятной семье Абатца. Мадам Абатца, узнав, что я собираюсь уезжать, сказала мне: "Ты не можешь уехать сейчас, Елена, так как я устраиваю бал в честь нашего дорогого друга. Замечательный человек! Он как раз сейчас вернулся в имение, и я обещала ему представить тебя. Обещай мне, что ты останешься еще на 2-3 дня". Я очень обрадовалась, что мой отъезд откладывается, и написала матери причину.

Я надела белое платье и сережки с голубым камнем, которые сыграли в моей жизни решающую роль.

Мы спросили: "Почему?".

— Вы потом узнаете, не торопите меня.

Зима была холодная, мы должны были ехать на санях. Мадам Абатца приняла меня с необыкновенной теплотой, так как это был последний вечер перед моим отъездом.

Мы знали, что теперь наступает самая важная часть в маминой истории, мы подвигались к ней все ближе и ближе и смотрели на нее затаив дыхание. Мама смеялась, а няня качала головой. "На сегодня это все", — дразнила мама.

— Начался бал. Незнакомый господин после представления хозяйке подошел прямо ко мне и попросил, чтобы нас представили друг другу. Весь вечер он оставался возле меня.

Мы очень любили нашего отца, и в этот момент рассказа мы чувствовали, что он стал нашим, и жизнь нашей матери как бы прикасалась к нам. Эти драгоценные моменты были полны счастья. Какая счастливая супру-

жеская жизнь была у них! Люди ищут счастья в славе, в богатстве и порой часто проходят мимо счастья, которое рядом. Счастье там, где есть любовь. Теперь к любви относятся шутя, и порой дети рождаются там, где нет счастья, без любви. Теперь мало уважают тонкие детские чувства. Я счастлива, что у меня было детство, построенное на любви и уважении к родителям и друг к другу. Мы не были избалованы, но наши детские души не были изранены ничем: ни словом, ни действием. Мы всегда были окружены любовью и уважением. Это была чистая жизнь, которая отражалась в отношениях наших родителей.

— На следующий вечер после бала у Абатцы папа пришел с визитом в дом к Нащенко, и после этого он под разными предлогами приходил каждый вечер. У меня была пелерина из белок с маленькими хвостиками, которые легко отрывались. Вот отчего он постоянно приходил. Каждый день он находил у себя новый хвостик. Моя тетка сказала ему: "Оставь эту игру, просто приходи к нам".

Пришел день моего отъезда, и папа попросил, чтобы я вышла за него замуж. Для меня это был сюрприз. Нужно было принять такое жизненно важное решение, в то время как я была знакома с папой всего несколько дней. Я его почти не знала и попросила подождать. Но он был совершенно не согласен с этим. Все же мы договорились, что он поедет в Николаев, где жили его тетки и был его дом. Он хотел сообщить им о своем решении и привести в порядок дела, так как в ближайшее время он не предполагал возвращаться туда. "Вы же, — сказал он мне, — должны поговорить с Нащенко и Костей и дать мне через неделю положительный ответ". Он поговорил с моими дядей и тетей и уехал.

Дядя и тетя были счастливы и не могли понять, зачем мне нужно время для раздумий. "Леля, как ты можешь быть такой осторожной? Лучшего человека ты не найдешь!" Они хотели сразу же пойти в дом Абатцы, чтобы сообщить им это радостное известие, но я попросила их обождать, пока папа не приедет назад. Маме я написала, что приеду позже.

Папины тетки Ксения Михайловна Соколова и ее сестра графиня Наталья Михайловна Кантакузен (урожденная Кирьякова) были чопорные пожилые женщины, которые говорили все время по-французски. Они совершенно не обрадовались папину сообщению. У них уже была на примете богатая невеста из их круга. Но папа повел себя решительно и заставил их дать свое благословение. Он взял с собой сундучок с драгоценностями, которые получил в наследство от своей матери и возвратился в Елисаветград.

...Наступило 7-е февраля. В этот день папа официально попросил у моих родителей моей руки.

Сейчас я это тоже пишу 7-го февраля...

— Я открыла сундучок и начала примерять эти замечательные ювелирные изделия. Папа же сказал мне: "Эти простые голубые сережки, что на тебе, самые красивые. Ты была в них в день нашей встречи. Мне нравится их простота".

Прошло много лет, и большевики забрали все, кроме одного кольца с перламутром, которое принадлежало Матильде Бонапарт. Второе кольцо с розовым камнем было когда-то заколкой для галстука дедушки Егора Егоровича. Он был генерал гвардии, был тяжело ранен во время войны с Наполеоном. Егор Егорович был уже в отставке, когда женился на моей бабушке Юлии Кирьяковой во Флоренции. Там же родился и мой папа.

Бабушка и дедушка жили какое-то время во Флоренции и Венеции, потом переехали в Одессу, позже — в Воеводское, где дедушка вскоре умер. Бабушка Юлия Михайловна умерла от тифа, когда моему папе было всего 2 года. Так что мой папа был полным сиротой с двух лет.

Приближался пасхальный пост, и отец торопил с приготовлениями к свадьбе, так как во время поста играть свадьбу не разрешалось.

День свадьбы был назначен на 26 апреля, первое воскресенье после Пасхи.

После свадьбы мама и папа уехали за границу и вернулись только к Рождеству. Они были в Вене на свадьбе кронпринца Рудольфа с бельгийской принцессой Стефанией. Были в ресторане "Фоксгарден" и слушали там Иоганна Штрауса. Потом поехали в Париж, где жили несколько месяцев. У папы в Париже было много родственников — тети и двоюродные сестры, вышедшие замуж за французов.

Папа и мама очень быстро влились в высшее французское общество. Мама брала уроки пения у месье Когана, дирижера Парижской оперы.

Назад в Одессу они поехали через Дрезден. Там папа представил свою жену семье Краус, у которых он жил во время учебы в Германии. Многие русские аристократы учились в то время в Германии или в других странах, за границей. Мадам Краус поздравила папу с его выбором. Он был ее любимым квартирантом и очень хорошим музыкантом.

Медовый месяц у папы с мамой закончился. Очень печальным было возвращение в Елисаветград. Дядя Коля, мамин любимый брат, был очень болен. Он умер на Рождество. Утешал маму мой отец.

7 февраля 1882 года, как раз в день венчания, я родилась. Ожидали сы-

на, но папа был очень рад, что все хорошо закончилось, и вскоре забыл о своем желании иметь мальчика.

В Воеводском заканчивались приготовления к приему молодой семьи. Мой дедушка, Милентий Димитренко, и бабушка Мария Осиповна позаботились, чтобы заранее все было приготовлено. Дедушка был сам не свой от радости.

Ничего не может быть красивее и поэтичнее, чем Россия в мае. Ничего не может быть трогательнее и волнительнее, когда в прекрасном поместье увидишь любимую дочь и маленькую внучку Ольгу!

В это время года недостаток модерна и комфорта не заметен так, как зимой. Когда карета подъехала к усадьбе, они увидели старинный маленький дом с гнездами аистов на крыше. Моя мать просто не могла представить себе, что она будет жить в таком простом доме. Она не знала сельской жизни, так как выросла в блестящем одесском обществе. Потолки были низкие, комнаты темные, так как дом был окружен огромными деревьями. Обстановка сохранилась еще со времен прадедушки, и моя бабушка не имела времени ничего изменить в ней. Никто из семьи Кирьяковых в Воеводском не жил, так как их главное большое поместье было в Ковалевке, на реке Буг. В Воеводское приезжали только люди, которые занимались регистрацией и контролем имений. Основной мебелью были большие диваны, на которых они ночевали. Когда папа приехал туда после обучения в Германии, он почти ничего не изменил там. Хотя мой отец был очень богат, он всегда оставался очень скромным и никогда ничего не желал для себя. Отец всегда любил только основательные вещи, и все, что он впоследствии покупал: полки, стулья, письменные столы — все было очень компактно и практично. Он ненавидел всякую мишуру и дешевые вещи.

Моя мать была разочарована всем, что увидела в Воеводском, но там все лето прожили ее родители и ее братья, которые наслаждались свободой. Им понравились лошади, конюшня, коровник, мельница и сады. На студентов из Петербурга все это производило большое впечатление.

Воеводское

В июне и июле все дамы были заняты ягодами и фруктами. Они по традиции больших поместий собирались все вместе во дворе, где варили джемы и варенья. Маму это очень веселило, так как раньше, в Одессе, она ничего подобного не видела. Не было ни одной помещицы, которая не варила бы в своем поместье собственное варенье.

Во дворе разводили огонь и приносили огромные медные тазы, полные ягод. Всем заправляла няня. Мать, конечно, тоже участвовала во всем этом. Она снимала пенки с варенья и собирала их в блюдце. Мой отец очень любил эту пенку, и ему всегда ее приносили. Бабушка во время варки варенья сидела возле моей коляски. Потом, когда мы стали старше и даже когда были почти взрослыми, мы всегда окружали эту компанию, чтобы получить что-то вкусное. Нам очень нравилась эта экзотика.

Осенью все разъехались. Взрослые в Одессу, братья матери в холодный Петербург. Осень всегда была меланхолической порой. Журавли улетели, птицы не пели, дом опустел, и стало грустно.

Отец мой часто уезжал по делам в Елисаветград, в управу. Соседей не было. Самый близкий врач жил в 15 км от нас, а церковь была в 10 км. Единственным нашим развлечением были няня и Наталья Васильевна, которая иногда приходила.

Это было печальное время, так как в этот год умерли дедушка и дядя Володя, который не смог перенести холодный климат Петербурга и умер от скоротечной чахотки. Кроме этого, пять братьев матери умерли еще до совершеннолетия. Лучом солнца было рождение моего брата Володи 25 января 1884 года. Я его очень любила.

Пришла зима. Все покрылось снегом, и мама загрустила. Это отражалось на всем. Она часто впадала в меланхолию и скучала. Она уже не была так весела и беззаботна. Даже когда все вокруг веселились, мама уходила в свою комнату. Папе было грустно, что мама так и не смогла стать помещицей. Больше трех-четырёх лет мама эту скуку переносить не могла.

После третьей зимы и смерти моего дедушки, ее отца, папа предложил ей вернуться в Одессу к матери и нанять дачу для нас на берегу моря. Мама свою юность провела на даче, у самого моря. Потом у дедушки Димитренко пошатнулись дела, и он вынужден был продать дачу. Часто мама нам говорила: "Ах, дети, если бы вы только знали, как бы я хотела вернуться в Одессу! Я бы просто могла вас оставить с няней и Натальей Васильевой, ведь она приехала помогать нам. Кроме того, и папа был бы с вами".

Рождение Джорджа

Клерхен была единственным человеком кроме моей матери, которая присутствовала при рождении твоего отца. Потом пришли трудности, и меня нужно было оперировать дома. Операция длилась два часа, и доктор использовал Клерхен в качестве анестезиолога. Она была первая, кто

взял твоего отца на руки. Она смотрела за ним 15 лет. Клерхен полностью посвятила себя ему, так как я много лет болела и даже не могла брать его на руки. Это было в Санкт-Петербурге. Доктора уговаривали меня поскорее ехать на юг. Но это был 1905 год — первая революция, и поездки в то время были очень опасны.

...Вместе с маленьким сыном я поехала из Петербурга к родителям в Одессу. Во время всего пути у меня была очень высокая температура, я не могла кормить Джорджика, и голодный сын все время плакал. И вот в таком отчаянном положении меня привезли домой к родителям.

Для меня это было счастье! Выехать из мрачного и дождливого Санкт-Петербурга и приехать обратно на солнечный юг, в солнечную квартиру с моими любимыми родителями. Если бы ты только знал, мой дорогой внук, сколько меня окружало любви!

Меня положили в спальне родителей, постоянно заботились обо мне. И когда я открывала глаза, я видела мою любимую маму. Мне на несколько минут приносили моего сына Джорджика, но я просто не хотела видеть его кормилицу и знать, что его кормит другая женщина. Это было непереносимо. Кроме всего прочего, состояние мое становилось все хуже и хуже. Доктора приходили и уходили. В конце концов, после консилиума с профессором Вальтером, который в то время был знаменит в Одессе, он высказал свое заключение: "Когда я приду завтра, я хочу видеть ваш билет на Ривьеру. Ты должна жить на юге".

Мой муж Миша (von Dox) телеграммой был вызван из Санкт-Петербурга и вместе с родителями проводил меня до российской границы. Он должен был остаться из-за своей службы у императора.

Ситуацию спасла Клерхен. Она осталась с маленьким сыном в Одессе.

После моей поездки на Ривьеру Миша привез меня в Воеводское. Его освободили на время от службы, и весной он приехал, чтобы сменить моих родителей. Мой отец в то время был предводителем дворянства и должен был быть в Елисаветграде. В то время в Херсонской губернии была созвана Дума.

Какой радостью для меня было снова увидеть моего маленького Джорджика! Он был такой красивый. Его нарядили специально для моего приезда. Он протянул ко мне свои маленькие ручки. Это было замечательно! Потому что обыкновенно к незнакомым он не тянулся, а меня он почти не знал.

Мне запретили обнимать и трогать его.

В это лето 1906 года я поправилась лучше, чем за границей. Мы попросили Клерхен, чтобы она с Джорджиком сопровождала меня в Сент-Мо-

ритц. Без сомнения, Джорджик должен был ехать со мной, и доктора поняли, что без сына я никогда не поправлюсь. Мама рассказала им, как я страдала, плакала и скучала по нему.

Переживание с волками

Я редко видела волков. Летом они все исчезали. Но два случая остались ярко в моей памяти.

В один из дней отец устроил охоту на волков. Это было зимой. К саням привязали поросенка. Он должен был своим громким визгом привлечь волков. Но после долгой многочасовой езды в зимнюю лунную ночь по блестящему скрипящему снегу в степи охотникам не повезло. Во второй раз смотритель парка сказал нам, что голодные волки окружили его сторожку и целую ночь страшно выли. Рассказ о голодных и воющих волках в нашем парке произвел на меня очень большое впечатление.

Дважды нам говорили, что за степью в лесу видели несколько норок. Мы поехали в степь на телеге, замаскировавшись соломой. Но когда мы приблизились к норкам, они разгадали наш обман. Когда мы подъехали еще ближе, они исчезли. Второй раз мы видели их, когда гуляли с матерью в степи. Они позволили нам подойти очень близко. В другой раз мы видели куропаток и диких уток.

Мой отец с братьями выходили с собаками охотиться на кроликов.

Одесса

После третьей зимы в Воеводском папа предложил маме вернуться в Одессу и нанять дачу. Это был замечательный дом на Среднем Фонтане недалеко от бывшей дедушкиной дачи. Дача принадлежала греку.

Мои первые воспоминания связаны именно с этим домом. Я помню уютную террасу, где мы с няней и Володей пили чай, а Володя всегда просил чай без молока. Няне это не нравилось, но она не смела противоречить. Я помню много цветов и статую Венеры. Сад доходил до самого моря. Был очень крутой спуск, покрытый кустами и цветами. Внизу было море. Этот запах цветов, кустов и цветущих деревьев преследовал меня всю мою жизнь. Но самое замечательное — это был покой. Россия тогда еще не была так перенаселена, как сейчас. Мы были одни в природе, и море принадлежало нам. Между скалами была переодевалка. Мы переодевались там и часами купались. На даче ни-

когда не было скучно. Обычно около четырех часов приходили знакомые, бабушка, тетя Маня, мои дяди.

Как только мама подготовила дачу и мастерски обставила ее, мы тотчас переехали. Потом приехал папа.

Это было незабываемое утро. Возможно, я запомнила это так хорошо, потому что мои родители очень часто вспоминали об этом, и их рассказ как бы переплелся с моими воспоминаниями... Когда мой отец вышел на террасу и увидел цветущий сад, он поднял маму высоко в воздух и воскликнул: " Это счастье!". Я же боялась, что папа уронит маму, хотя для него она была очень легкой.

Вскоре из деревни доставили жеребцов, которых папа выбрал для нас. Они были полны огня. Вместе с лошадьми приехал и кучер Иван.

Мне вспоминается еще... Невдалеке от нас был монастырь, куда по воскресеньям мы ходили на службу, там же рядом было кладбище, где была похоронена папина сестра. Она умерла, когда ей было всего 10 лет. У папиной сестры был очень трогательный памятник — ангел из мрамора. Каждый раз, когда мы приходили сюда, мне было очень грустно, и я всегда плакала. Позже мы узнали, что мама знала этого ангела всю свою жизнь. Он тронул ее душу еще в детстве. Было ли у нее такое предчувствие, что в один прекрасный день она сама станет баронессой Швахгейм?

В Одессе мы проводили осень и зиму. С мая по октябрь мы жили в Воеводском.

Одесса лежит на берегу Черного моря. Основала город Екатерина II. Это она велела построить здесь порт. Весь город стоит на земле моего прадедушки Кирьякова. Расположен он очень красиво. Одессу часто называли "Южная Пальмира". Для строительства города Екатерина II привлекла главным образом иностранцев, которые обустраивали город, строили порт, замечательные здания, парки и сады. Главными исполнителями ее планов были де Рибас, герцог Ришелье, граф Ланжерон, а впоследствии граф Воронцов, и улицы Одессы носили их имена. Аристократы строили в городе дворцы. Одним из самых выдающихся зданий был дворец графа Воронцова. Дворец находится в очень красивом месте, в начале самого красивого на свете бульвара с замечательным видом на море. С одной стороны бульвара были сады и парки, а на другой стороне — рестораны, дворцы, гостиницы и два памятника. В центре бульвара была парадная лестница, которая спускалась в порт и кончалась площадью с церковью. Утром на бульваре гуляли дети с нянями и гувернантками. В 12 часов стреляла пушка. Ее сняли с турецкого корабля, и стояла она возле здания городской думы дулом к морю. Выстрелы пушки слышны были во всем городе.

Между двумя и тремя часами картина менялась. По заасфальтированной улице, что в то время было большой редкостью, разъезжали в экипажах дамы. Они разворачивались возле дворца графа Воронцова и стояли в главном сквере. Там они оставались некоторое время, беседовали, и зрелище это очень нравилось людям.

На бульваре играла музыка, в кафе царило веселье. Зимой на бульваре людей было меньше.

На другом конце был театр — гордость города. Он не зря знаменит. Оперы в Париже и Вене были более богаты, но расположение, акустика и комфорт Одесской оперы превосходили всех.

Улицы в Одессе очень широкие, по обе стороны их высажены акации. В мае месяце, во время их цветения, весь город благоухал. Климат в Одессе очень приятный, умеренный. Не очень холодная зима и жаркое лето. Те, у кого была возможность, летом выезжали на дачу. Но это были не только богатые. Многие одесситы имели огороды и домики у моря. Домашний скarb грузили на телеги и увозили в летний дом. В начале мая можно было наблюдать целые караваны из подвод и телег, отправляющихся на дачи. Мужчины, днем работающие в городе, вечером, после работы, поездом или трамваем отправлялись за город. Эта дачная местность называлась "Фонтаны", но фонтанов там не было.

Малый Фонтан был ближе к городу. Там было очень хорошо: рестораны, морские ванны, музыка. Средний Фонтан был знаменит большими именами. На Большом Фонтане постройки были значительно меньше.

Лиманы

Лиманы характерны для нашего южного края. Грязи лиманов в сочетании с очень соленой водой обладают хорошими лечебными свойствами. Они великолепно лечат ревматизм и многие другие болезни. Окрестности лиманов пустынные, непривлекательны, полностью отсутствует комфорт. В основном на лиманы ездил бедный люд, но порой приезжали и богатые в каретах и колясках.

Одесса была очень богатым городом и быстро росла. Во времена моей юности в Одессе проживало 600 тысяч человек. Это были люди самых различных национальностей: греки, итальянцы, немцы, евреи, очень много было французов. Расположение города и порта очень способствовало развитию торговли. Город был "порто-франко", то есть вольным, свободным городом. Иностранные товары не облагались пошлиной, были очень

дешевыми по сравнению с другими городами, и это привлекало сюда людей со всей России и из-за границы. Кроме делового люда в Одессу приезжали и многие помещики, которые проводили здесь зиму.

Здесь, на юге России, были и замечательные условия для развития сельского хозяйства. Императрица Екатерина II раздавала дворянам огромные земли. Мой дедушка, Михаил Михайлович Кирьяков имел 800 тысяч гектар. Каждый гектар — 2,5 акра. Это даже трудно представить себе.

Покойный барон Фальсфайн имел 100 тысяч акров. Когда он однажды ехал в поезде, один помещик хвастался, что у него 6 тысяч баранов. На что Фальсфайн ответил ему: "А у меня 6 тысяч овчарок, чтобы смотреть за баранами". И это не было шуткой.

Но время шло, и ситуация стала меняться. Огромные поля, где раньше пасся скот, стали засеивать пшеницей, овсом, кукурузой и свеклой. Урожай переправляли в Одессу, а оттуда во все уголки земли. Главным образом этим занимались греки и итальянцы, которые очень быстро разбогатели. Второе поколение этих купцов стало мультимиллионерами. Позднее все мелкие предприятия перешли в руки крупных предпринимателей, а владельцы их обанкротились.

В 1918 году мы переехали в Одессу.

Атмосфера в городе была совершенно другая, это заметили даже дети. У нас была большая светлая квартира из многих комнат. Все были довольны, веселы и счастливы. Мать тоже была довольна, что снова очутилась в своей среде. Она устроила и меблировала квартиру — то, что она всегда умела очень хорошо делать. Жизнь наша протекала спокойно и приятно.

Каждый адаптировался в своей среде и жил на собственные средства — кто богато, кто беднее. Никто не желал оставлять свою родину. Никто не искал счастья за границей. Составлялись долговременные планы с надеждой увидеть их реализацию. Но, все-таки... кругом было много дискомфорта — нужды и несчастья. Но не было ни угрозы войны, ни ощущения гражданской катастрофы.

Музыка

Это было в один прекрасный день в июне. Голубое небо и белые облака парили над головой, а воздух был напоен запахами цветов. Приехал папа. Он был в Одессе, потом застрял в своей конторе и, наконец, ему удалось приехать. На террасе был накрыт большой стол,

и по количеству приборов мы поняли, что должен еще кто-то прийти. Но кто же это мог быть?

Папа пришел с очень симпатичным молодым человеком и сказал маме: "Лелечка, можно тебе представить нашего нового начальника? Он уже был в конторе". Мама его очень вежливо приняла, но я заметила, что для нее это был сюрприз, и это ей не очень понравилось.

Во время обеда гость вел себя совсем не как чиновник, а папа относился к нему очень дружелюбно. Очень много говорили о музыке, и оказалось, что наш новый гость играет на скрипке.

После обеда папа пригласил гостя к пианино. "Давайте попробуем сыграть что-то простое, — сказал папа, — и послушаем, как это будет звучать в этой комнате с низкими потолками". После того как они играли некоторое время, в гостиную вошла мама и сказала: "Здесь что-то не так. С кем имею честь?". "Разрешите представить вам самого знаменитого скрипача Михаила Михайловича Сахарова. Он два дня назад играл в симфоническом оркестре с Чайковским. Я был восхищен его игрой, а Чайковский предсказывает ему большое будущее. Я пригласил его провести у нас лето, пока он не поедет в свой тур по Европе".

С 1894 года у нас начались самые прекрасные музыкальные лета. В те годы мы наслаждались вечерами прекрасной музыкой.

Михаилу Сахарову в то время было 20-22 года. Это был скромный, остроумный молодой человек. Мы с Володей очень любили его. Он все время развлекал, веселил нас, и мы не могли себе даже представить лето без него. Вечером мы садились каждый на свое место и благоговейно ждали предстоящего наслаждения. Музыку любили не только я с Володей, но даже 6-летний Сережа, который основательно усаживался на мамины колени и широко улыбался, когда играли его любимые мелодии. Во время этих замечательных вечеров ему позволяли позже ложиться спать.

Иногда после сложных пассажей Сахаров целовал папу и говорил: "Ах, Егор Егорович, никто не умеет аккомпанировать так, как вы, это такое наслаждение!".

Хочу сказать еще несколько слов о Михаиле Сахарове. Мне вспоминается то романтическое время... Мы уже стали старше. Воздух был напоен ароматами цветов и трав, дверь на террасе была открыта, мы не зажигали свет. И прекрасный лунный свет, и звезды на небе, и... музыка на земле.

Михаил много репетировал, но это никому не мешало, так как его поселили в ту часть дома для гостей, где жили учителя и старшие дети. В свободное время он с ружьем и собакой ходил на охоту. Он был страстный

охотник, но домой никогда ничего не приносил. Михаил немного побаивался мою маму. Она была строга с людьми и ожидала от них требовательности к себе. К Михаилу она относилась более мягко, но однажды все же был инцидент: "Что это за пятна у тебя на шее?" — "Они, наверное, от моей скрипки, Елена Мелентьевна" — "Я не думаю, что они только из-за скрипки. Вот мыло и сода, иди и вымой свою шею". На следующий день во время обеда Михаил смеясь рассказывал, что он использовал очень много соды, и это было очень трудно, но пятна исчезли. Мы же веселились от души.

В начале XX века Михаил поехал за границу, женился на англичанке и поселился в Англии. Когда в 1902 году мы с мамой были в Берлине, он пришел навестить нас. Мы, конечно же, пошли на его концерт и очень радовались его успеху. После этого мы никогда его больше не видели. Я Михаила всегда вспоминаю с благодарностью. Благодаря ему мы в дни нашей молодости провели много счастливых часов.

Бабушка и тетя Маня

В то время мы наслаждались не только игрой на скрипке и папиной замечательной игрой на рояле, но я хочу, чтобы ты представил себе, Джорджик, какую прекрасную музыку и какие концерты мы слушали! Вернулась в Одессу мамина младшая сестра тетя Маня. Много лет она прожила в Париже. Теперь летние месяцы она проводила с нами. Тетя Маня готовила себя к сценической карьере и брала уроки пения в Париже у знаменитой старой мадам Виардо. Но неожиданно она встретила очень богатого американца, вышла за него замуж и уехала в Америку. Для бабушки Марии Осиповны Димитренко это было большим огорчением. Тетя Маня не только замечательно пела, но еще была совершенно очаровательна. Мы с Володей знали все ее арии и пели их целый день. Мы кричали в полный голос на всю степь "Я люблю Вас!". Сейчас я уже не помню все те замечательные русские романсы и их композиторов.

Для нас было самым большим праздником, когда наши родственники возвращались из Франции. Родители ехали их встречать на вокзал, мы же оставались и с нетерпением ждали приезда их большой кареты. "Они приезжают, они приезжают!" — кричали мы и были счастливы приветствовать дорогую старую бабушку и чудесную тетю Маню. Нам было интересно услышать последние новости из Парижа. Тетя Маня и бабушка были друзьями семьи Докс и всегда привозили нам подарки. Тогда впервые я услышала о семье Докс.

Бабушка всегда радовалась возвращению домой. Жизнь на Западе ей совершенно не подходила. Бабушка была очень религиозна, строго придерживалась всех обычаев, не пропускала ни одной службы. Эта сильная вера помогала ей и спасала в ее очень тяжелой жизни. Она потеряла пятерых молодых сыновей и любимого мужа. В каждом человеке бабушка видела только хорошее, никого не осуждала и старалась всех понять. Она была замечательной, и мы все молились за нее. Я до сих пор вижу ее перед собой: всегда в черном, с черной шелковой ленточкой на шее, на голове — черный платок. Я часто вспоминаю бабушку в ее комнате в окружении портретов близких. 12 лет она посвятила любимой дочке Мане. Бабушка оставляла свое теплое гнездо в России и проживала холодные зимы в Париже. После отъезда тети Мани в Америку бабушка очень страдала. Она все время ждала, что тетя Маня придет навестить ее. Но Америка была очень далеко, приехать оттуда, а затем ехать назад было очень тяжело. Бабушка так и не дождалась тетю Маню. Через несколько лет она умерла.

Сегодня, в 1959 году, я могу представить себе, как тяжело бабушке было оставить Одессу, уютную квартиру, прислугу, местную церковь, друзей и знакомых и жить в маленькой квартирке в Париже без прислуги, с людьми, которых она с трудом понимала, так как не очень хорошо знала французский язык. В то время я не могла понять всего трагизма ее положения. Дети часто так эгоистичны.

Еще о детстве

Два раза в неделю у нас были уроки танцев. Но, если говорить честно, мы не любили танцевать. Это все было слишком официально. По четвергам в 4 часа мы должны были быть полностью готовы. Мы одевались как куклы. Володя в белый костюм, я в белое платье с воланчиками и черные лаковые туфли. Волосы мне накручивали на бигуди. Подъезжала карета с шальями и шкурами, и нас везли на танцы к Папудовым.

Когда говорят о Папудовых, имеют в виду только мадам П. Она была уже немолодая, но все еще очень красивая гречанка. В молодости во Франции во дворце ее заметили благодаря ее красоте. Когда она выезжала в театр, то ослепляла бриллиантами всю оперу.

Во времена моего детства дом Папудовых был самым большим в Одессе. Он тянулся вдоль всего квартала. Комнаты для приема можно было сравнить с дворцовыми залами. Лестницы, по которым мы поднимались, были украшены цветами и скульптурами. Все дети приходили с гувер-

нантками. Прислуга забирала нашу одежду, и мадам Корнер, красивая пожилая дама, гувернантка правнучки хозяина Одетты Скаршински, вела нас в зал. Он был огромный, с большими люстрами, свисающими с потолка. Часть зала была приготовлена для нас. Преподаватель танцев, мадам Медведева, очень строгая дама, которая нам казалась невыносимой, уже стояла у рояля. Мы ее очень боялись и вели себя тихо. Гувернантки сидели у стены и глазами следили за нами.

С такими строгостями не было никакого настроения.

Мадам Папудова организовала эти танцы для своей правнучки, которая потеряла мать. Одетту воспитывали бабушка и отец, который обожал ее и очень баловал.

Скаршинские были нашими соседями. Они жили в 25 километрах от Воеводского. Так же как Кирьяковы, они получили огромные поместья от Екатерины II.

Иосиф Петрович был воспитанный, очень симпатичный человек с хорошими манерами. Много лет они дружили с моими родителями, и несколько раз я гостила у них. Иосиф Петрович тоже присутствовал на танцах у Папудовых.

После танцев, когда все дети ушли домой, нас пригласили в будуар к мадам Папудовой. Эта высокая темноволосая гордая женщина сидела на диване под портретом своей умершей дочери. Ее окружали гречанки, смуглые и красивые, как она. Мадам Папудова дала нам шоколад и попросила Володю что-то спеть. Володя, которому было всего 5 лет, пропел свой репертуар. Все обняли и поцеловали его, а потом нам позволили пойти поиграть с Одетт. Одетт была замечательная девочка. После смерти мадам Папудовой она переехала в Петербург и большей частью жила за границей, о чем я очень жалела. Она вышла замуж за итальянского маркиза. Мы ее видели только один раз, незадолго до моей свадьбы, когда она приехала в Одессу, чтобы представить своего мужа.

Уроки танцев у Анатры

Уроки танцев у Анатры не имели ничего общего с уроками танцев у Папудовых. В моей жизни, в юности и позднее, семья Анатры играла очень большую роль. Мы дружили с Емой и Минзой, дочерьми Бартоломия Ангеловича.

Мой папа долгое время прожил с ним вместе в Дрездене в знаменитом пансионе Краус. Анатра был выдающимся человеком, и папа его очень

любил. Он был единственным человеком в Одессе, с которым папа был на "ты". Жена Анатры приехала из Вены. Минза и Ема были для меня как сестры, и мы очень часто виделись. Жили Анатра от нас очень близко, и по воскресеньям мы, скромно одетые, ходили пешком в церковь. Часто нас приглашали к Анатре на обед. Там было много и других детей, в основном это были родственники. Семья у них была огромная. Наш Володя дружил с Володей и Мишей Анатра, я же дружила с их сестрами Емой и Минзой.

На уроках танцев присутствовали все родственники, в основном итальянцы. Учителем был герр Цорн. Несмотря на то, что ему было уже 70 лет, он пластично, как мяч, прыгал через весь зал и элегантно показывал нам, как нужно себя держать. Он был немцем, но с нами всегда говорил по-французски. Мы все его очень любили.

Эти уроки танцев у Анатры проходили из года в год. Мы становились барышнями, выходили замуж, и наши дети занимали наше место на танцевальном паркете. Менялись учителя, гувернантки, матери становились бабушками, а танцы у Анатры все продолжались. Даже танцевальный зал не изменился. Он был только увеличен, и там давали большие балы.

Мой сын Джорджик, твой отец, тоже танцевал там со своими друзьями Мишей Головиным и Эгаром Хюне. Эти мальчики очень хорошо себя вели, а Джорджик постоянно баловался. Учителя и дети постоянно жаловались на него. Дина, дочь Емы, тоже все время жаловалась: "Мама, никто не может танцевать с Джорджиком. Он постоянно дурачится, его никто не может приручить".

Все это — музыка, девочки, друзья — возбуждало его. Я просила мужа, чтобы он хоть иногда приходил на эти уроки и успокаивал его. Но это мало что дало. Миша вместо того чтобы смотреть за сыном, разговаривал с родителями и мало обращал внимания на порядок.

Семья Докс

И вот мы прибыли в семью Докс.

Твой прапрадедушка Виктор Федорович Докс не захотел жить в деревне. Он продал все свое имущество, построил в Одессе несколько домов, работал в администрации города, занимая несколько должностей. Виктор Федорович Докс был действительным статским советником, в течение 50 лет — почетным мировым судьей, и умер в 1920 году в возрасте 85 лет. Виктор Федорович был похож на бельгийского короля Леопольда. В обществе он был известен очень широко. Кто его только не знал! Одна-

ко в нем было и много отрицательного. Прежде всего, несмотря на то, что у него были немалые средства, он был феноменально скуп и очень любил ухаживать за женщинами. Эти и другие его отрицательные качества испортили жизнь его жене и разрушили жизнь его детей. У него была очаровательная жена из известной польской фамилии герцога Дунина Барковского. В годы царствования Николая I многие польские аристократы, бежавшие во время восстания в Польшу, жили на юге. Мадам Докс не могла выносить жизнь со своим мужем, и когда дети подросли — Нине было 8 лет, Вале 6, а Мише 2 года — она переехала с ними в Дрезден, а позже, через 8 лет — в Париж.

Моя свекровь была замечательной матерью и дала своим детям превосходное воспитание. Миша очень любил свою мать и часто о ней говорил. Эта его черта мне очень нравилась, трогала меня, и это было одной из причин, по которым я предпочла его другим молодым людям. Он же переживал за этих молодых людей, жалел их.

Виктория Францевна Докс в Париже была не так одинока, как в Дрездене. Ее дочь Нина, талантливый музыкант, училась в консерватории в Париже, стала известной пианисткой и часто гастролировала. Виктория Францевна сопровождала ее во всех поездках. В те годы женщины-аристократки за выступления не получали гонорар, только цветы и подарки. И вот однажды Нина получила в подарок великолепное серебряное пианино, которое долгое время стояло рядом с ее роялем. Нина дружила с Чайковским, Рубинштейном и другими знаменитостями. После окончания консерватории Нина попросила Рубинштейна прослушать ее и давать ей уроки, на что Рубинштейн ответил ей: "Я ничему вас больше научить не могу, но мог бы сам научиться у вас". Это была огромная похвала, так как Рубинштейн считался в то время самым выдающимся пианистом мира.

Миша в Париже ходил в лицей. Он до сих пор вспоминает свои школьные дни. Однажды во время драки какой-то мальчик назвал его грязным казаком, на что Миша со злостью так ударил его, что выбил несколько зубов. Он был очень доволен собой, и это даже не имело последствий, так как школьное руководство поняло и поддержало его.

Возвращение в Одессу

В 1903-1904 гг. Виктория Францевна с двумя взрослыми дочерьми и сыном Мишей вернулась в Одессу. Это была сенсация для города. Их сразу заметили, так как они долгое время прожили за границей, и это на-

ложило на них свой отпечаток. Мадам Докс была еще молодая очаровательная женщина. Нина была очень похожа на мать, но более темпераментная, очень живая, высоко интеллигентная и очень талантливая. Она сейчас же стала центром внимания. А возле нее стояла Валя, скромная Валя. Казалось, что она всегда следовала за своей сестрой, как бы оставаясь в ее тени. Валя была маленького роста, блондинка с голубыми глазами, умна, наблюдательна, но всегда молчалива. О Мише — позже.

Доксы сняли большую квартиру напротив Анатры. По вечерам в их окнах можно было видеть большую лампу с шелковым абажуром. В то время это была новинка из Парижа, и мода эта тотчас же разошлась по всему городу.

Виктор Федорович Докс был счастлив. Он очень гордился своими детьми. Нину все приглашали играть на рояле, но она любила выступать перед настоящими ценителями музыки и очень неохотно соглашалась на другую аудиторию. Ах, бедная Нина! Как дорого она заплатила за свою счастливую жизнь! Ее любимый муж Николай Александрович Бабилов был застрелен во время революции. Его казнь была подробно описана в мемуарах одного подозрительного меньшевика.

Мы тоже устроили прием для семьи Докс. Они привезли нам приветы из Парижа от бабушки и тети Мани. Я еще помню двух молодых девушек в белых платьях — Нину и Валу. Мы как дети не должны были находиться там, но мадам Докс настояла, чтобы мы остались. Это была наша первая встреча с этой семьей. В тот день к нам пришли и два брата Виктора Федоровича. Оба были выдающимися личностями. У Анатолия был дар адвоката. Но, к сожалению, когда ему было 38 лет, он совершенно оглох и должен был оставить карьеру. Второй, сводный брат от второго брака, был Николай Федорович Гамалея. Знаменитый русский микробиолог, почетный член Академии и многих медицинских обществ. Он был одним из первых, кто сотрудничал с Мечниковым. Вместе они открыли лаборатории, где работали над вакциной против бешенства. Он был автором многих трудов по микробиологии и иммунологии.

Но... вернемся к Нине. Спустя многие годы она приезжала к нам и подолгу жила в Воеводском. Мы уже жили в новом доме, где стоял чудесный рояль, и Нина много и замечательно играла. Сергей, тогда уже молодой человек, как пришитый стоял у рояля, когда она играла. Его восхищение зажигало ее. У них с Сергеем была душевная привязанность. Нина очень хотела, чтобы Сергей учился петь.

Николай Александрович приезжал на 2-3 дня забрать свою Ниночку,

дать ей отдых. Он не позволял ей много играть по вечерам, так как потом она долго не могла заснуть. Между Бабиковыми были довольно странные отношения. Он ее обожал! Она тоже любила и уважала его, но почему-то всегда называла по имени-отчеству. На все же наши вопросы, почему она так обращается к нему, Нина только отмалчивалась или смеялась.

Первая встреча с Михаилом Докс

При любой погоде мы с фройляйн Нотз и Володей ходили на прогулку. В холодные ветреные дни — в город, а в хорошие дни — в парк или на Маразлиевскую улицу, которая тянулась вдоль парка. Нам больше нравилось ходить в город. Перед уходом фройляйн Нотз обязательно спрашивала, нужно ли сделать какие-нибудь покупки. Это было то время, когда горничная расчесывала и укладывала мамины волосы. Я уже рассказывала, что у мамы были необыкновенно длинные и густые волосы. Ухаживать за ними было нелегко. Их нужно было долго расчесывать и делать массаж головы специальным прибором, который привозили из Вены. Варе, горничной, нужен был целый час, чтобы расчесать их. Волосы, как золотые волны, падали до самого пола. В это время папа сидел рядом и читал вслух газету. "Что мы будем делать сегодня? Пойдем за покупками или будем гулять?" — спрашивали мы родителей. "Сегодня нет ветра, — отвечал папа, — пойдите в парк, там намного лучше воздух". Папе никогда никто не возражал.

Я обычно шла по левую сторону от Клерхен, а Володя — по правую. Он был уже гимназист, в темно-зеленой шинели и фуражке. Мы шли по улице Сабанеева, когда встретили пожилого господина. Нам навстречу шел Виктор Федорович Докс, а рядом с ним — элегантный и необычный молодой человек в форме реальной гимназии. Молодой человек совсем не был похож на наших юношей. Даже шинель сидела на нем особенно, а фуражка слегка была натянута на лоб. Я и все мои 12 лет были очарованы им! Отец и сын остановились и поприветствовали нас, детей. Можете представить, как мне было неловко! На следующий день я сейчас же рассказала Еме все об этой интересной встрече. "Ты не можешь себе представить, какой он элегантный! Его нельзя сравнить ни с кем!" — говорила я ей. Я была счастлива.

Семья Докс и Анатра жили напротив нас, так что я всегда знала, что там происходит. Вскоре мой секрет открылся, меня стали безжалостно дразнить, и мне было ужасно неловко.

Рождество

Вскоре пришли праздники, и нас, детей, без конца приглашали в разные дома в гости. В России на Новый год тоже зажигают елки. Мы танцевали до 11 часов, потом, нагруженные подарками, шли домой. Обычно к этому времени уже выпадал снег, и я помню замечательную езду на тройках. Сани скользили по хрустящему снегу с огромной скоростью. После душных жарких комнат так приятно было прокатиться и подышать этим замечательным воздухом!

Накануне Рождества праздновали Святой вечер. Мы ели кутью и фруктовый компот. Гостей в этот вечер не было. Елку украшали только для нас, детей. Гости же приходили в другие дни. Семьи, в которых не было детей, елку обычно не ставили.

Когда мы были еще маленькими, и с нами была мадам Лина, подарков нам на Рождество не дарили. Но вечером, когда на елке гасили свечи, мы клали наши ботинки перед камином в холле. Утром 25-го мы очень волновались и с нетерпением ждали, когда нам разрешат пойти в большой зал, чтобы там, возле камина, найти наши подарки. В большом зале собиралась вся семья, мадам Лина и вся прислуга. Мы подходили к камину с сильно бьющимся сердцем. Радость была неописуемая! Дед Мороз всегда клал туда кучу подарков! Когда же мы стали старше, и с нами уже была фройляйн Нотз, мы уже не так поэтично праздновали Рождество, а на новый манер, как за границей. 23-го все помогали украшать елку, а 24-го в 7 часов вечера был большой обед, на который в течение многих лет мы приглашали родственников и одиноких друзей. Так что у меня до сих пор перед глазами дядя Юра, Мария Мануэлла Андеркас, лучшая мамина подруга, со своим сыном Петром Петровичем, дорогая Ольга Павловна Мантенева, урожденная баронесса Месмахер, двоюродная сестра папы, с мужем Павлом Ивановичем. Все эти люди были нам очень близки.

Я хочу рассказать здесь еще о нашем слуге Андреасе, который работал у нас очень много лет и был как член нашей семьи. Он стал фамильярничать с нашими гостями, и когда однажды к нам пришел один из наших друзей, который долгое время отсутствовал, он сказал ему: "Ваше превосходительство, вы постарели". На сей раз дело ограничилось выговором.

Теперь, дорогой Джорджик, хочу привести тебе наше рождественское меню: уха с рисом, пироги с грибами и капустой, навага — это рыба, которая водится только в реке Неве, а во время Рождества ее привозили на юг специально, замороженной; она была без костей и очень вкусная, — не-

сколько видов фруктовых компотов. Компот — символ смерти, а кутья — символ жизни. Кутья — это вареная холодная пшеница со сметаной, орехами и медом. Конечно, были вина, ликеры и кофе. Вот рецепт кутьи: варить пшеницу до готовности, после ее охлаждения добавить ваниль, мед, орехи и мак. Удивительно вкусно!

Нам с Володей во время этих обедов было очень весело, и мы много смеялись.

После обеда двери большой гостиной открывались, и начиналась задача подарков и сюрпризов. Часто для папы мы готовили сюрприз: играли на пианино. Но я не думаю, что это было большим наслаждением, так как играли мы неважно. Маме мы дарили маленькие салфетки, которые сами вышивали. Мы же получали замечательные подарки: золото, драгоценности, часы, серьги, запонки, меха и многое другое. Игрушек же нам больше не дарили, так как мы уже выросли.

Мой первый бал

В конце декабря мама сказала: "Ну, вы уже большие, няня вами довольна. Мы устроим вам детский бал. Ответственным за это будет дядя Юра, и это будет совсем как настоящий взрослый бал. Дядя Юра проследит за этим. Со всеми вы должны быть приветливыми. Смотрите, чтобы каждый имел своего партнера, не толкайтесь, не бегите вперед и так далее".

Мишу Докса я не видела с осени. Он еще не выходил в общество, а мне неудобно было спросить, кто и куда его приглашал. Я могла видеть его только издали, когда он выходил из своего дома. Ни в коем случае я не хотела, чтобы кто-то заметил мое увлечение им. Даже Володя не был посвящен в эту тайну. Но, вероятно, мама и Клерхен что-то заметили, так как были подозрительно молчаливы.

4 января 1895 года в нашем доме зажгли все люстры, и пришли гости. Для дам была приготовлена турецкая комната. Для нас же запасли апельсиновый сок, лимонад, содовую воду и конфеты.

Пришел дядя Юра. Мы его очень любили. Он был остроумный, приятный, веселый и для таких встреч просто незаменим. Он показывал разные трюки, фокусы, организовывал маленькие домашние театры. "Приходят гости, как ты себя чувствуешь в роли хозяйки?" — спросил дядя Юра. Вдруг я заметила, что у меня нет нужного платочка, и позвала Клерхен. "Не волнуйся", — утешила меня она, и сейчас же появился платочек.

Моими друзьями были дети Сухомлиновы, Анатра, Радчевы, Строга-

новы и мой первый поклонник, с 12 лет, Алеша Албранд. Все девочки были одеты очень нарядно: в белое, розовое и голубое. 15-летние гимназисты были в праздничных мундирах и белых перчатках. И вдруг! Кого же я увидела! Миша Докс! Такой взрослый молодой человек! Он стоял у двери и разговаривал с фройляйн Дин Роуз. Пригласит ли он меня на танец? И что я буду делать, если первым подойдет другой? Первым подошел Алеша Албранд, но я сейчас же отвела его к другим, у кого не было партнера. Затем вернулась на свое место и стала ждать. Все это время мама наблюдала за мной. Миша встал, подошел ко мне и пригласил на кадрили. Мы не сказали друг другу ни слова. Я очень смущалась, мяла свой платочек, мой кавалер не знал, что со мной делать, и молчал. Ситуацию спас дядя Юра. Он подошел к нам, начал шутить, и Миша Докс вернул меня на мое место. После вежливого обращения: "Мадмуазель, вы любите вальс?" — "Да, я очень люблю вальс", — мы разошлись, и он очень быстро ушел, так как был приглашен в более подходящее для него место.

Наш бал был очень удачным. Мы много веселились, танцевали вальсы, мазурки и другие танцы. Дядя Юра организовал разные интересные игры, фокусы, трюки. Матери должны были силой увозить детей и рассаживать их по каретам. После бала слуги сказали: "Нам больше всего понравилась наша милая мадмуазель. Она была так оживлена и так счастлива!".

Когда все ушли, меня позвала мама. "Отчего ты так поспешила отделяться от Алеши Албранд? — спросила она. — Ты ожидала кого-то особенного?". "Я должна была заботиться о своих друзьях", — оправдалась я.

Новый дом

В 1897 году папа и мама решили построить комфортабельный дом. Мы были уже почти взрослые, и старый дом был слишком мал. Было несколько планов — строить новый дом или же купить другое имение с домом. После долгих обсуждений папа спросил няню: "Что вы думаете об этом? Продать ли нам Воеводское и купить новый дом?" — "Как вам могло прийти такое в голову, Егор Егорович, оставить Воеводское? — удивилась няня. — Это же ваше родовое имение!". Так решение было принято.

Осуществление этого плана папа поручил знаменитому архитектору Mr. Duvren. Он должен был найти для дома подходящее место, используя незадействованную часть сада. Из-за границы были приглашены многие специалисты: инженеры-электрики, мастера по устройству фонтанов и другие. В то время организовать это было очень трудно.

Я хорошо помню день приезда Mr. Duvren, и как мы все провожали его осматривать сад. "Дорогой барон, вы хотите здесь строить дом? В этом лесу? Возле этой усадьбы? Нам нужно будет построить три террасы. Дом с главным подъездом будет расположен на средней террасе, на верхней террасе будет теннисный корт и французский фруктовый сад, на нижней террасе будет фонтан и розарий, к ней будет подходить большая лестница. Все это строительство займет три года".

Папа к плану строительства делал много своих предложений, давая волю фантазии. Из Германии были выписаны квалифицированные садовники: специалист по деревьям и специалист по садоводству и оранжереям. Павел был ответственным за овощи. Он выращивал спаржу, которую рассылали по всей России.

Каждой весной, когда мы возвращались в Воеводское, мы не могли его узнать — все было новое: свинарники, сарай, конюшни. Выросла огромная силосная башня — первая в России. Здания располагались далеко друг от друга и были окружены деревьями и кустарниками. Винные погреба использовали для производства и хранения сыра и других молочных продуктов. Главным образом производили голландский сыр.

Старый дом оставался там же, и позднее в нем жил Володя со своей семьей, женой Катей и дочкой Лялей. Там же были помещения для слуг и контора. В общем, все это планировал и приводил в исполнение твой прадедуська, и ты можешь гордиться им. Все любили и уважали его. Твой прадедуська был примером для всех.

В новое имение приезжало много ученых из университетов, специалистов по агрокультуре и других специалистов в различных областях, многие приезжали просто из любопытства, чтобы увидеть современную модель имения, в которой нашли отражение все последние достижения сельского хозяйства. Началась новая жизнь. Воеводское обрело новый размах. В нем уже не было так одиноко, как когда-то, когда скучала мама в самом начале своего замужества.

Переезд в дом

Во время нашего переезда в новый дом я поднялась по крутой лестнице на чердак старого дома, куда никто из нас раньше не ходил, и там в куче старых вещей нашла замечательный комод величиной приблизительно 1 м x 50 см. Мы с Володей принесли его вниз, и к нашей огромной радости, нашли там долгую переписку моей бабушки Юлии Кирьяковой. Я уже

раньше писала, что меня еще в детстве очень интересовала ее судьба. То, что я знала о ней, я в основном собрала из рассказов бывших крепостных, главным образом, нашей старой прачки, как мы ее называли, бабушки Татьяны. Я часто ходила в прачечную и слушала ее. В основном, это было в те дни, когда она гладила. Я, скрываясь от всех, прибегала к ней. Няня рассказала мне, что папе было всего два года, когда умерла его мать.

Моя бабушка до свадьбы много лет провела в Италии. Она жила с принцессой Корсинией во Флоренции. После свадьбы она еще несколько лет оставалась там, а затем поехала в Венецию. Моя бабушка вела нескучную жизнь, что подтверждают многие письма и записи. Она встречалась со многими аристократами из Италии и Франции, а также со многими русскими.

Мы нашли много писем от графа Воронцова. Они были на простой голубой бумаге, написаны энергичным почерком. Танта Корсиния, придворная дама императрицы, поздравляла бабушку с днем рождения. Граф Воронцов приглашал ее, когда она придет в Одессу, навестить его в Крыму, в его дворце в Алушке. В то время Воронцов был генерал-губернатором Одессы. Очень много о жизни тогдашней Одессы писал А.С. Пушкин, а бабушкина сестра, Ксения Михайловна, рассказывала, как танцевала с Пушкиным.

Ксения Михайловна и ее сестра Кантакузен воспитывали папу после смерти бабушки. Среди этой переписки мы нашли также письма от Матильды Бонапарт, с которой бабушка дружила. Матильда Бонапарт послала бабушке кольцо с жемчугом и рубинами, которое спасла Клерхен и вывезла в эмиграцию. У меня до сих пор есть одна жемчужина, которую вставили в кольцо. После смерти моей незабвенной матери я продала это кольцо.

Пришел 1900 год, и мы переехали в новый блестящий дом, где каждый имел свою собственную комнату. Все было по последнему комфорту. Необыкновенно красивая мебель. Замечательный большой зал с роялем. Великолепные двери открывались на террасу и были затенены бамбуковыми занавесями. С левой стороны от большого зала была голубая гостиная, где обычно находились мы.

Молодость

Жизнь изменилась как в Воеводском, так и в городе.

Я окончила среднюю школу, Володя пошел в старший класс. Появились новые друзья и товарищи, глубокомысленные молодые люди. Вече-

ра по воскресеньям стали очень интересными. Приходили с визитами наши хорошие друзья, а городская молодежь приходила без приглашения. Воздух был напоен романом. Все было очень поэтично. Никто из 17-18-летних мальчиков не позволял себе поцеловать нас или же признаться в любви. Мальчики девочек называли только по имени-отчеству. Все были очень благородны и воспитаны. Я всех принимала в гостиной. Мы танцевали, пели цыганские романсы, очень популярные в то время. Но кроме развлечений у нас были и серьезные рассуждения о литературе и философии. Везде присутствовала Клерхен. Все любили и уважали ее. Мама обычно с родителями сидела в гостиной. В папином кабинете играли духовые инструменты.

Постепенно начались ухаживания, влюбленности и более серьезные чувства. В нашей молодой компании стала появляться и более взрослая молодежь — студенты. Из Петербурга приехал Миша Докс — элегантный офицер, потом Феофелиды и адвокат Стамеров — очень богатый, очень умный и очень спокойный.

Пока Миша Докс был в Петербурге, я забыла о нем. Мое детское увлечение прошло.

Я бы хотела отметить еще братьев Кожевниковых — Сашу, Колю и Леню, которые в нашей компании играли особенную роль. Они ходили в школу вместе с Володей и жили недалеко от нас. Братья Кожевниковы всюду были желанными. Все трое были высокие, красивые, и каждый по-своему был интересен. Саша уже был студентом. Из всех троих он был самым красивым. Он был очень веселый, и из Франции, где обучался восточным языкам, привез французские манеры. Саша приехал домой на каникулы.

Два других брата были более серьезными. Коля был решительнее других. Он первый признался мне в любви. Он произвел на меня такое сильное впечатление, что я пообещала выйти за него замуж. Но это волновало меня все больше и больше, и я лишь успокаивала себя мыслью о том, что скоро он уедет в университет. Клерхен не спускала с меня глаз. Сережу же мои поклонники не очень жаловали, так как он появлялся всегда не вовремя, и нельзя было избавиться от него.

Когда я вспоминаю все это, я чаще всего думаю о Лене. Он никогда не приближался ко мне, а восхищался только издали. На Новый год у Кожевниковых был большой прием, и я сидела между Колей и Леной. Коля был очень шумный и шокировал меня. Леня был грустный и мало говорил. У нас был обычай — в 12 часов ночи написать свое заветное желание.

Леня спросил меня: "Можно я вам скажу, что я напишу?". И я прочла: "Я буду вас любить всю мою жизнь". Так и случилось, но жизнь развела нас.

Папа решил больше не приглашать молодых людей, так как происходили ссоры на почве ревности, но я ничего не знала об этом.

Следующей зимой мы были в Петербурге и часто ездили в Москву. Леня блестяще закончил университет и стал доктором. Жизнь продолжалась. Я вышла замуж. Однажды из Москвы я получила письмо. Я не могла себе представить, кто мне оттуда мог написать. Письмо было очень длинное и написано мелким почерком. Старый верный друг моей юности писал о своей долгой любви ко мне и, хотя он был уже два раза женат, не забыл меня.

Миша Докс, которого я уже забыла, возвратился в наше общество. Он начал ухаживать за мной, но я к нему испытывала только дружеские чувства, хотя другие смотрели на него как на соперника и завидовали ему. Вначале они отнеслись к нему недружелюбно, но он обладал большим тактом и шармом, и постепенно все стали относиться к нему с симпатией. С ним было весело. Он замечательно танцевал и заправлял на всех танцах и балах, которые невозможно было себе представить без него. Все балы он открывал со мной.

Одесса после 1900 года

Когда нам исполнилось 15, 16, 17 лет, стала возрождаться одесская опера. Любимой нашей оперой была "Евгений Онегин". Володя знал все арии наизусть. Он пел Онегина и Ленского, а я Татьяну. Сейчас мне трудно представить себе, как мы пели у Анатры в их домашнем театре. Но я все еще помню, как Володя в своем сюртуке с серебряными пуговицами стоял передо мной на коленях и пел.

Очень скоро в одесское общество были приняты знаменитые певцы Яковлев, Фигнер и его блестящая жена Медея Фигнер. Для них устраивались большие приемы. С каким энтузиазмом, особенно молодежь, принимали их!

Леонид Григорьевич Яковлев знал моего отца. У него был замечательный голос и огромный сценический талант. Кроме этого, он был превосходно сложен и для общества просто идеален.